

УДК 94: 325.254

DOI: 10.17223/1998863X/36/36

А.О. Утьева, Т.Г. Жарникова

ОБРАЗ СЛАВЯНСТВА НА ПРИМЕРЕ ПЕРВОЙ РУССКОЙ ВОЛНЫ ЭМИГРАЦИИ ВО ФРАНЦИИ

Рассматривается образ славянства и «русскости» в понимании представителей первой волны эмиграции и их потомков. Разделение представлений «отцов и детей» позволяет сделать вывод о том, как старшее поколение эмигрантов относилось к своему русскому происхождению, русской культуре и ценностям и как самоидентифицируются их потомки через отношение к этим категориям.

Ключевые слова: образ славянства, славянский мир, первая волна русской эмиграции, русская община во Франции, «русскость».

В контексте раздробленности славянского мира, усилившейся в последние несколько лет, самосознание славянских общин, проживающих за пределами Восточной Европы, представляет особый интерес для изучения в рамках политической науки. Ведь самосознание не статично, оно постоянно трансформируется под влиянием внешних факторов, таких как международная обстановка в целом и инспирируемые извне революции в славянском мире, в частности. На примере самосознания славян, а именно укоренившейся русской общины во Франции, можно показать, как эти факторы моделируют образ славянства за пределами исконно славянских территорий.

Сегодня в канун столетия Революции 1917 года и последовавшей за ней Гражданской войны мы помним и трагедию миллионов, когда многие русские оказались за пределами России. Пристанищем для многих из них стала Франция. Постепенно начали появляться русские общины – «белых» русских, которые, несмотря на невозможность вернуться в Россию, сохранили свою русскую и шире – славянскую идентичность. Изучение воспоминаний, мемуаров, стихов позволяет увидеть истоки их идентичности. Их представления о том, что значит быть русским, их мнение о Родине и её судьбе являются прообразом сегодняшней идентичности в сознании членов русской общины на Западе. Их дети, долгое время отделенные от Родины непреступной стеной, имели лишь воспоминания и мнения своих родителей, дабы идентифицировать свою сущность русского человека. Конечно, внутрисемейная социализация выполняет лишь одну из частей в процессе становления идентичности индивида. Посему, разделив представления эмигрантов первой волны и современных «белых», можно увидеть, какую часть в их идентичности определила внешняя среда – страна, в которой их приняли, народ, который их окружал, и его мнение о том, кто такие – русские и какая она – Россия.

Сегодня русская община во Франции довольно активна – это несколько сайтов, множество воспоминаний, монографий, статей, посвящённых её жизни. Во-первых, такая активность указывает на то, что потомки первой волны эмиграции видят себя в первую очередь русскими, а уже потом гражданами Франции. Во-вторых, их активное внимание к своему семейному прошлому,

к взаимодействию внутри общины и к настоящему положению дел в России приводит к большому количеству высказываний на данную тему, что позволяет исследовать то, как они видят русских и Россию. Данная статья сравнивает представление «отцов и детей» и позволяет создать обобщенный образ славянства в сознании русских общин за границей, а также объяснить реакцию общины на события последних нескольких лет.

Как пишет Юрий Трубников, президент Ассоциации русских во Франции, так называемые белые русские не были эмигрантами, они были беженцами. Между собой они скорее называли себя «русскими за границей» [1], что четко указывает на самоопределение через своё местонахождение по отношению к Родине. Нужно понимать, что эта потеря Родины переживалась особенно болезненно. Цитируя слова своей матери, Ю. Трубников пишет: «Худшее было потерять свою страну» [1].

Считается, что после революции чуть меньше миллиона русских покинули Россию и что приблизительно четверть из них поселились во Франции в 1925–1926 гг. Появился «русский Париж», имеющий довольно четкие географические границы и еще более четкие культурные границы. Русская община, которая сформировалась во Франции, больше опиралась сама на себя, нежели пыталась активно взаимодействовать со страной, которая её приютила. Даже сегодня можно найти потомков первой волны эмиграции, которые свободно говорят по-русски, несмотря на то, что прожили всю жизнь во Франции. Тем не менее нельзя отрицать, что интегративная политика Франции сумела сделать из многих русских «французов». Сам Трубников пишет, что «сегодня, как почти вся русская община, они французы с русскими культурой и корнями» [1].

Но прежде чем начать рассматривать то, как самоопределяется русская община во Франции сегодня, стоит посмотреть на то, как видели себя и свою ситуацию те самые «русские за границей», бежавшие во Францию в 20-е гг. прошлого века.

Интересными в этом плане представляются воспоминания князя Феликса Юсупова. Ф. Юсупов в своих воспоминаниях обозначает свою эмиграцию как «изгнание». При этом контекст, в котором используется данное слово, пропитан сожалением и горечью, вызванными бегством из России и невозможностью вернуться. При всем этом князь в своих мемуарах старается остаться жизнерадостным и оптимистичным. Так как эти качества, по мнению Ф. Юсупова, характерны для русского человека, даже если его выбросило на обочину жизни. Так, он пишет о русских беженцах: «Все восхищали нас стойкостью и спокойствием. Ни слезинки, ни жалобы. Обломки кораблекрушения, русские эмигранты все ж оставались открыты и жизнерадостны» [2. С. 278–279]. Говоря о русских за границей, он также отмечает, что их всех связывал единый дух, который брал свою силу из общей беды и общей взаимовыручки: «Тут была сама Россия», – пишет он [2. С. 279].

Из воспоминаний князя видно, с какой болью он воспринимал происходящее в России. Он считает, что все, что там происходит, просто убивает её. Но тем не менее он высоко оценивает русский дух и считает, что благодаря ему возродится Россия. «Россия, по-моему, распята, как Христос. И так же воскреснет. Но не силой оружия, а духа», – пишет он [2. С. 292]. Это в из-

вестной степени перекликается с идеями писателя Ивана Шмелева, который называл православие «душою Родины». Созвучно это и с идеями И. Ильина, с которым Шмелев был дружен.

Что касается князя Юсупова, он пишет, что изгнание из России не сможет изгнать Россию из их душ и сердец. Поэтому, самое главное, по его мнению, это остаться русским и стремиться развивать русские качества, которые присущи, по его мнению, всему русскому народу, в своих детях: надежду, открытость, смекалку, душевную красоту, чувственность, щедрость и благородство. И именно наличие таких качеств в душе самого Ф. Юсупова побуждало его помогать своим соотечественникам, невзирая на собственные трудности и беды. Делать это, дабы своим примером показывать, что значит быть русским.

Хочется отметить, что надежда красной нитью проходит через все мемуары Феликса Феликсовича. И надежда заключатся в одном – увидеть Россию. И вроде бы, к своим преклонным годам, он сам понимает, как глупо надеяться, но тем не менее не впадает в отчаяние. «Увижу ль когда Россию?.. Надеяться никому не заказано. Я уже в тех годах, когда не мыслишь о будущем, если из ума не выжил. А все ж еще мечтаю о времени, которое, верно, для меня не придет и которое называю: “После изгнания”», – заканчивает он свои мемуары [2. С. 426].

Несколько другим, но также хорошим примером могут служить воспоминания князя Г. Львова. Князь Львов в своих мемуарах очень трепетно и с любовью описывает Россию. Он восхищается её просторами, мощью, красотой, величием [3. С. 19]. Он считает себя простым русским «мужиком», несмотря на дворянское происхождение. Ему импонируют русская деревня и русский простор, в которых прошло его детство.

Интересно наблюдать, уже по воспоминаниям современников, как Георгий Евгеньевич во Франции стремился сохранить русскую культуру и воссоздать в своих небольших апартаментах уголок России, дабы, находясь дома, мысленно возвращаться на Родину. «На другой день я сидела у него на рю Карно в Булони, в его квартире, где и вещи, и образа, и картинки по стенам – переносили в Россию...», – так описывает его жилище К. Ельцева, бывшая у него в гостях в то время [3. С. 256]. Стремление остаться русским и сохранить русскую культуру, проявлялось у князя Львова во всем: в пище, которую князь ел, в литературе, которую читал, в обустройстве дома, в манере работать на земле. Все это отчасти создавало легкую иллюзию «клочка Родины», но все же это была не Россия: «Хуже, чем в России, было все. И супы французские ничего не стоящие, и яблоки без вкуса, и трамваи, и язык, его бедность...» [3. С. 260]. А тоска по родной земле пожирала его, он мало говорил об этом, но те слова, которые все-таки были произнесены. – пропиты болью, скорбью и опять же – надеждой. «Его тоска по России была так велика, что он впадал в малодушие. Таинственно говорил мне, что скоро все кончится и вернемся... – Когда же? – А вот погодите. Пройдет рабочая пора и кончится» [3. С. 264].

Стремления помочь найти Россию молодым людям ярко видны у уже упомянутого нами публициста и писателя И.С. Шмелёва. В своих обращениях к ним он пишет о том, как была велика прежняя Россия, как был велик её дух.

Он искренне верит, что русские молодые люди, вынужденные обстоятельствами расти за границей, смогут стать русскими, найти Россию в себе [4]. «Помните непрестанно, что мы велики, что мы от великого народа, что мы чудесны и нашей историей, уделившей нам миссию охранять культуру, что мы велики великим страданием нашим и великой победой нашей – всем тем чудесным, что русский гений давал, дает и будет давать миру!», – пишет Шмелёв в своих обращениях [4]. И не просто помнить самим, а передать эти знания своим детям, внукам, правнукам, чтобы они могли не только сохранить русскую культуру, но и продолжали обогащать и прославлять её, и могли произносить с гордостью: «Я русский», на одном лишь основании великих достижений предков, а на основании собственного могучего, нравственного и великого русского духа.

Русская община в Париже имела целый ряд журналов и газет, написанных, издаваемых и читаемых русскими. Конечно, многие из них были посвящены политическим оценкам событий в России, умозаключениям по данной теме, но среди них можно было вычленивать элементы, описывающие быт русской эмиграции и того человека, кем русский стал на чужой земле. В этом контексте духовность в целом и в частности православность носили крайне важный самоопределяющий характер.

Возможно, в ходе превращения России в светское государство эти русские люди стали хранителями русской веры. Так, цитируя князя Г.Н. Трубецкого, газета «Младоросс» пишет: «От нас, бессильных пока помочь нашей Родине и братьям, требуется подвиг веры, ибо, если будет в нас огонь веры, то никакие стены не покажутся нам несокрушимыми, и мы не будем бессильно и бесполезно биться о них, а сохраним и накопим силу веры, которая одна действительна, одна всё может...» [5. С. 7]

Последним ключевым аспектом русскости для той эпохи был русский язык. Не только сохранение его в кругу семьи, что редко свойственно для эмигрантов, но и превращение его в родной язык, для своих потомков, что в контексте эмиграции почти невозможно. Так, описывая своё детство, Алексей Воронцов пишет, что до возраста шести лет он говорил только по-русски, невзирая на то, что родился в 1927 году во Франции [6].

Из всех этих примеров и других мы можем создать образ русского человека как человека, несущего огромную ответственность за сохранение своей культуры, веры и языка, дабы мочь обогатить ею не только своих потомков, но и всех людей постреволюционной России, в чьих сердцах и сознании «русскость» вытесняет большевизм. Эта роль рыцаря веры, обычного мужика, готового прийти на выручку, прослеживается почти в любой риторике тех времен.

Сегодня мы видим немного другую картину. Первое, что бросается в глаза, – это успех французской интегративной политики. Многие потомки первой волны эмиграции воспринимают свои русские корни как забавный или, скорее, грустный эпизод своей семьи, а не какой-то самоопределяющий фактор. Тем не менее община живет, хоть и не так бурно, как в 30-е гг. Париж усеян магазинами, продающими товар, направленный именно на неё. На православные праздники в церквях не протолкнуться, а русский квартал все также в сознании обычного парижанина остается русским.

Интересной тенденцией является возвращение к истокам для многих таких «русских». Сегодня освобожденные от тех преград, которые не позволяли вернуться их предкам на Родину, они постепенно начинают приезжать в Россию, не только что бы прогуляться по Петергофу, но в надежде начать новую жизнь. Конечно, эти люди потеряли тот щит и меч хранителей духовности, языка и культуры. Сегодня они скорее учатся у постсоветских русских тому, что значит быть русским.

В статье «Тихое возвращение к истокам» Маша Фогель берет интервью у нескольких таких вернувшихся. Одни, как Николай Цвегинцов, пытаются прикоснуться к современной России, другие, как Софи Андреоли, наоборот, пытаются найти в современной России связь с дореволюционной, связь со своим прошлым [7].

Общей тенденцией для большинства из них является принятие современной России, и иногда можно встретить тот огонь хранителей, что горел в их предках. Мы это видим в декларации потомков белой эмиграции в час украинской трагедии. С ноября 2014 года несколько сотен потомков высказали свою поддержку России в контексте русско-украинского конфликта. Они пишут: «Несмотря на полное отчуждение от Советского Союза, наши родители и прадеды глубоко переживали из-за страданий русского народа во время Второй мировой войны. Сегодня наш черед, мы против безразличия и молчания перед программой уничтожения народа Донбасса, бредовой русофобии, лицемерия, процессов, полностью противоречащих интересам Европы, которой мы дорожим» [8].

Таким образом, можно сделать вывод, что, хотя ценности, которые нужно защищать, изменились за последние 100 лет, сам образ русского человека как защитника ценностей – остался. Можно было бы сказать, что защита своих ценностей свойственна любому народу, но самоопределение через эту сложную социальную роль явно характерна для образа «русскости».

Литература

1. *Troubnikoff Y.* Les Russes blancs en France, leur histoire, leurs institutions. URL: <http://www.cdi-garches.com/geographie/les-russes-blancs-en-france-leur-histoire-leurs-institutions> (дата обращения: 1.10.2016)
2. *Юсупов Ф. Ф.* Мемуары. М.: ЗАХАРОВ, 2001. 427 с.
3. *Львов Г. Е.* Воспоминания. М.: Русский путь, 2002. 373 с.
4. *Шмелёв И. С.* Письма к русской молодежи (1928). [Электронный ресурс]. URL: <http://ricolor.org/history/re/missia/19> (дата обращения 1.10.2016)
5. Памяти князя Г. Н. Трубецкого // Младороссъ. 1930. № 1. 18 с.
6. *Grognet F.* Devenir français et rester russe L'itinéraire de Nicolas et Adèle Vorontzoff. URL: <https://hommesmigrations.revues.org/1669#tocfrom1n1> (дата обращения: 1.10.2016)
7. *Fogel M.* Discret retour aux sources. URL: http://fr.rbth.com/articles/2011/02/02/les_visiteurs_du_passe_11858
8. *Déclaration* des descendants de l'émigration blanche à l'heure de la tragédie Ukrainienne. URL: <https://www.les-crises.fr/declaration-des-descendants-de-lemigration-blanche-a-lheure-de-la-tragedie-ukrainienne> (дата обращения: 1.10.2016)

Utyeva Alexandra O. – Undergraduate of the Department of Political Science of the Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). DOI: 10.17223/1998863X/36/36

Zharnikova Tatiana G. – Undergraduate of the Department of Political Science of the Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). DOI: 10.17223/1998863X/36/36

THE IMAGE OF SLAVDOM THROUGH THE EXAMPLE OF THE FIRST WAVE OF RUSSIAN EMIGRATION TO FRANCE

Keywords: Image of Slavdom, Slavic world, first wave of Russian emigration, Russian community in France, «Russianness»

It is often considered that the Slavic world is part of the territory that used to be the USSR, and the image of Slavdom belongs strictly to those who inhabit said territory. In reality, beyond the ex-USSR live a large amount of different Slavic communities (France, Germany, USA, Argentina, China, etc.), who are also concerned by how the image of Slavdom is transformed over time. The authors take one of such communities, probably one of the most known - the Russian community in France. Using one of its main constituents - the first wave of emigration and its descendants as an example, they try to educe the image of Slavdom beyond the «common» Slavic world. During the civil war that ensued after the Revolution of 1917, many of the people of the ex-Russian Empire were forced to leave their homeland and move to other countries. According to the calculations of the «Association of Russians in France» from the 1 million of emigrants that left the country, over one quarter settled in France between 1925–1926. Most of them settled in Paris and its periphery and formed there a Russian community. To educe the image of Slavdom, the authors use the definition of Russianness in the rhetoric of the old and young generation of the first wave of Russian emigration. For the old generation, the authors base their research on their memoirs. To have a larger selection the authors use the memoirs of different social groups, from the high aristocracy to the middle class. As for the young generation, the research is based on articles that address said subject on websites and social media that are part of the modern Russian community in France. The fact that said Russian community exists to this day and that it's members continue to actively interact within it, would suggest that the descendants of the first wave of emigration managed to preserve their Russian identity, that their ancestors desperately wanted to preserve. The researched proved that the French integrative policy was very successful and despite the fact they actively partake in the life of the community, most of the descendants consider themselves as mainly French and see their Russian roots as a non-determinant part of themselves. Despite that fact, the authors managed to isolate the image of the «Russian» in the conscious of the members of the first wave of emigration. It's the image of a conservator of Russian faith, culture, language and first and foremost of Russian values. And despite their «Frenchness», in their will to defend the main European values, the authors find that long forgotten Russianness in the modern generation of the Russian community.

References

1. Troubnikoff, Y. (2005) *Les Russes blancs en France, leur histoire, leurs institutions* [White Russians in France, their history, their institutions]. Available from: <http://www.cdi-garches.com/geographie/les-russes-blancs-en-france-leur-histoire-leurs-institutions>. (Accessed: 1st October 2016)
2. Yusupov, F.F. (2001) *Memuary* [Memoirs]. Moscow: ZAKhAROV.
3. Lvov, G.E. (2002) *Vospominaniya* [Memoirs]. Moscow: Russkiy put'.
4. Shmelev, I.S. (2002) *Pis'ma k russkoy molodezhi (1928)* [Letters to Russian youth (1928)]. [Online] Available from: <http://ricolor.org/history/re/missia/19>. (Accessed: 1st October 2016).
5. Anon. (1930) *Pamyati knyazya G.N. Trubetskogo* [Prince G.N. Trubetskoy. In memoriam]. *Mladoross*". 1.
6. Grognat, F. (2010) *Devenir français et rester russe L'itinéraire de Nicolas et Adèle Vorontzoff* [Become French and stay Russian The itinerary of Nicolas and Adèle Vorontzoff]. Available from: <https://hommesmigrations.revues.org/1669#tocfrom1n1> (Accessed: 1st October 2016).
7. Fogel, M. (2011) *Discret retour aux sources* [Discreet returning to the sources]. Available from: http://fr.rbth.com/articles/2011/02/02/les_visiteurs_du_passe_11858.
8. Schakhovskoy, D. & Schakhovskaya, T. (2014) *Déclaration des descendants de l'émigration blanche à l'heure de la tragédie Ukrainienne* [Declaration of the descendants of white emigration at the time of the Ukrainian tragedy]. Available from: <https://www.les-crises.fr/declaration-des-descendants-de-lemigration-blanche-a-lheure-de-la-tragedie-ukrainienne>. (Accessed: 1st October 2016).